

УДК 008

УТОПИЯ, ДОСУГ И ДОЛГ: СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ (1960–1985)¹

Володин А. Н., Курамшина Ю. В.

Аннотация: В статье охарактеризована концепция «советский образ жизни», набравшая популярность в конце оттепели и исчезнувшая во время перестройки. Вписанная в советский сотериологический миф, означенная концепция переворачивала смыслы труда и досуга: первый оказывался частью свободной деятельности, второй – регламентированным долгом гражданина. В этой ситуации сознательное и разумное использование свободного времени советским человеком выступало не только как инструмент достижения финального состояния культуры, но и как неотъемлемая часть этого состояния. По мнению авторов, воспитание в гражданах стремления к самодисциплине и саморазвитию, формирование возвышенных духовных потребностей и интересов сближает советскую культуру с религиозными практиками. Набор качеств, которыми должен обладать каждый советский гражданин, оказывается близок совершенству персонажей агиографической литературы. При этом отмечается целенаправленная деятельность государства в формировании «советского человека», повышении его образовательного и культурного уровня. Несмотря на расхождение мифа и действительности, утопические устремления советской культуры положительно повлияли на досуговые практики граждан через создание актуальных пограничных форм, объединяющих и труд, и досуг, а также через создание «высокой» массовой культуры.

Ключевые слова: советский образ жизни, миф, застой, утопия, труд, досуг, отдых

Вслед за послевоенным восстановлением в истории СССР принято указывать два периода: с 1953 по 1964 длится хрущевская оттепель, с 1964 по 1985 – период развитого социализма. Название последнего возникло в массовой печати в середине 1960-х годов и заключало в себе представление о том, что социализм вступил в высшую стадию своего существования. Этот временной отрезок значим для исследования в связи с его особым мифологическим статусом: период был обозначен как завершающий формирование коммунистического строя, как преддверие светлого будущего. Исходя из близости утопического мира, специалисты в области общественных наук обновили образ идеального советского человека: изобразили его не борющимся, но победившим. Именно этот образ должен был выступить и эталоном, и ориентиром для «культивирования» человека (и при самовоспитании, и при воспитании государством).

Уже с 1970-х гг. в помощь лекторам, политинформаторам и пропагандистам

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

публикуют книги, описывающие общие принципы, на которых должна базироваться повседневная жизнь советского человека. В первых изданиях повседневность дана скупое: прописаны принципы (например, «советское общество характеризуется единством поколений» [1, с. 14], «принцип равноправия мужчины и женщины» [1, с. 11]); в качестве доказательства их верности приводятся различные статистические данные, в том числе по росту благосостояния и сокращению безработицы; для контраста описаны ужасающие сцены из жизни буржуазного мира. Довольно быстро эти книги меняются: больше внимание уделяется образу жизни, а не абстракциям; страницы наполняются фотографиями счастливых советских граждан в разных жизненных обстоятельствах. После объявления курса на перестройку книги, посвященные советскому образу жизни, перестают выходить. Миф о советском образе жизни исчез, оставив после себя идеологическое клише и набор причудливых символических форм.

Одна из наиболее противоречивых сторон ушедшего мифа – перемена смысловых отношений между трудом и свободным временем, долгом и досугом. И первое, и второе рассматривались через утопическую оптику. При диктатуре пролетариата труд оказывался частью свободы, фундаментальной ценностью, первейшей жизненной необходимостью, а свободное время получало еще более противоречивый статус. Для справедливости отметим, что примерно в это же время в Соединенных Штатах Америки правительство во главе с президентом Линдоном Джонсоном формулирует свою утопическую программу – программу построения «великого общества», значимую часть в ней занимал «высокий» досуг (в некоторых отношениях схожий с советской концепцией см. [2, с. 60–61]). Вместе с тем «евангелие досуга», распространение которого предсказывал Герберт Спенсер, в тот момент широко проповедовалось в западном обществе [3, с. 362–363]. В данной статье мы обратимся только к отечественным представлениям о досуге и долге на пороге нового коммунистического мира.

Регламентация досуга стала значимой частью переустройства советской культуры еще в 1920–30-х гг., когда возникла потребность приведения частной жизни в соответствие с социалистическими ценностями. Парадоксы, возникавшие в процессе поиска новых символических форм (например, дискуссия о необходимости смеха в новом обществе) [4] и при внедрении их в культуру (например, зазоры между проектом досуга, ценностным ядром и действительностью) [5], оставались неразрешенными. И все же победа в борьбе за организацию досуга не входила в число первостепенных задач государства вплоть до послевоенного времени. Прежде других решались проблемы ликвидации безграмотности, обеспечения материально-технической базы для развития экономики, роста производительности труда.

Понятие «свободное время» входит в социальную политику государства к концу 1950-х гг.: устанавливается низкий возрастной порог ухода на пенсию (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), сокращается объем рабочего времени, происходит попытка массово перейти от коммунальных квартир к индивидуальному пространству малосемеек. Эти шаги совершались по направлению к еще зыбкому культурному идеалу. В 1961 году была принята III Программа КПСС, в которой был зафиксирован путь к

утопии – к построению коммунистического общества. Документ выступил ориентиром для всех форм официальной культуры (в которую входила и повседневность советского человека, и его досуг). Предполагалось, что с увеличением количества свободного времени «досуг людей будет все больше посвящаться общественной деятельности, культурному общению, умственному и физическому развитию, научно-техническому и художественному творчеству. Физкультура и спорт прочно войдут в повседневный быт людей» [6, с. 121].

После принятия Программы возникла идея обновления конституции, которая должна была символически соответствовать приближающейся эпохе всеобщего благополучия и справедливости. К лету 1964 года был разработан финальный проект документа, но его утверждение не произошло в связи с отстранением от власти Н.С. Хрущева. Новое правительство не отказалось от намеченного курса, но идея «развернутого строительства коммунизма», представленного в конституции, была заменена на идею «развитого социализма»: наступление коммунистического общества отодвигалось на неопределенное время, главной задачей стало сохранение достигнутых высот. Постепенно Советский Союз вошел в эпоху «застоя».

Именно тогда в рамках официальной культуры была сформулирована концепция «советский образ жизни», ставшая частью повседневного идеологического дискурса. Она включала в себя особенное восприятие труда и жизни в коллективе, «коммунистическую сознательность», интернационалистические интенции и особенное отношение к свободному времени. В рамках идеологии этот новый образ жизни понимался как главное достижение развития социализма, который «впервые в истории мировой цивилизации создал образ жизни, достойный человека труда» [7, с. 9]. У «человека труда» противопоставление между свободным временем и трудом было снято. В монографии «Советский образ жизни: содержание, структура, динамика», посвященной свободному времени, коллектив авторов широко критикует западный «миф о наступлении цивилизации досуга» и отождествление свободного времени со свободой, а труда – с несвободой [7, с. 201]. Ученые утверждают, что в связи с исчезновением в Советском Союзе капиталистической идеологии (а значит и принудительной эксплуатации), «антагонизм труда и свободного времени сменился их единством»; «с построением коммунистического общества труд превратится из естественной, данной природой необходимости в социально приобретенную форму свободы, т.е. во внутреннюю потребность» [7, с. 203]. Попытки советских социологов зафиксировать растущую потребность советского гражданина в работе и тем самым доказать переход от развитого социализма к коммунизму подробно описаны [8].

В свою очередь свободное время, как ни странно, оказывалось частью долга. Правильный досуг – обязанность каждого гражданина. Всеобъемлющая причастность к высокой культуре, бывшая в прошлом привилегией «господствующих классов и интеллигенции», теперь должна была стать частью образа жизни масс. Именно потому, с точки зрения официальной культуры, весь досуг распадался на высокий и низкий. Коммунистическому (высокому) досугу противопоставлялись развлечения буржуа:

«похожие на судороги эпилептиков танцы, какофоническая музыка, порнография, пьяные кутежи и другие уродливые развлечения» [9, с. 178]. У советского человека обязан быть высокий досуг – одновременно и инструмент достижения совершенного общества, и его цель. Построение нового мира требовало от каждого строителя твердого отказа от всего, что не приближает коммунистический строй. Выбирая между домино и творческим саморазвитием, советский гражданин не всегда выбирал последнее, что требовало комментариев от идеологов советского образа жизни.

Они, в свою очередь, широко обсуждали «несознательность» советских граждан, их низкий уровень социалистической зрелости [10, с. 98]. Решать проблему приверженности части населения к «низкой культуре» предполагалось двумя путями. С одной стороны, административными способами, – путём поддержания «культурно-нравственного» климата через создание площадок, где досуг может быть реализован: массовые библиотеки, клубные учреждения, музеи, театры, киноустановки, кружки художественной самодеятельности. С другой стороны, возложить контроль за досугом на самого советского гражданина. При этом государственное влияние на бытовую сферу гражданина представлялось необходимым, но ограниченным в своем потенциале. В условиях возрастания объема досуга все актуальнее становилась «проблема воспитания у человека способности к (...) сознательному и разумному саморегулированию и самодисциплине, формированию возвышенных духовных потребностей и интересов» [11, с. 97]. Решение проблемы виделось в усилении идеологической, массово-политической работы как в рамках трудового коллектива, так и по месту жительства.

Объясняя недостаточно рациональное использование свободного времени, авторы, с одной стороны, оправдывали советских граждан, указывая на их далекий от идеального быт, а с другой – обвиняли их в недостаточной ответственности за свою культурность. Груз вины лежал прежде всего на самом человеке, поскольку «советский образ жизни впервые в истории создал наилучшие условия для сближения идеала и жизни» [9, с. 120]. Приближение коммунистической культуры сопровождалось увеличением количества свободного времени граждан. Фонд свободного времени трудящихся «возрастает вследствие сокращения рабочего дня, увеличения продолжительности отпусков, а также за счет перераспределения вне рабочего времени и сокращения нерациональных затрат в результате улучшения культурно-бытовых условий, особенно сферы обслуживания» [9, с. 204]. А поскольку недостаточная сознательность населения в свободное от работы время порождала алкоголизм, религиозные верования (sic!), бесцельные развлечения и хулиганство, авторы требовали усилить политическо-воспитательную работу [10, с. 129].

Должное отношение к свободному времени – обязанность советского человека. Государственный аппарат прилагает усилия по организации досуга, призванного всесторонне и гармонично развивать граждан, «но чем больше и масштабнее деятельность общества в данном направлении, тем, естественно, больше у него и права спрашивать с каждого, как он использует (...) предоставляемые ему возможности» [11, с. 97]. Таким образом свободное время оказывается противоречивой ношей: «имея

два выходных дня, советский человек (...) получил дополнительные возможности для отдыха, расширения кругозора, роста квалификации, для более интересного досуга и творческого труда» [9, с. 18], но любой досуг, который не способствовал приближению коммунизма, оказывался полузапретным, пограничным (что приводило к двоимирию советской культуры той эпохи).

Советский человек находился в парадоксальной ситуации: ударный труд представлялся в официальной идеологии частью свободы, а свободное время – время упорного, радостного, всестороннего саморазвития. «Новой коммунистической морали по самой ее природе присуще стремление к подвигу, к «выходу из ряда», к стремлению сделать сегодня лучше, чем было вчера» [13, с. 232]. Таким образом сталкивались реальность и коммунистический сотериологический миф, обосновывающий восхождение из худшего мир в лучший путем непрерывного совершенствования, что сближает советскую культуру с религиозными учениями, в т. ч. христианством. Последнее, в самом высоком изводе, требует сознательного отношение к каждому действию: «агония его [Христа] длится по сей день и все это время ты должен бодрствовать с ним» [14, с. 28]. Только бдение в советском образе жизни происходит в связи с памятованием о конечном этапе развития человечества. Набор качеств, которыми должен обладать каждый советский гражданин, приближает его к совершенству персонажей агиографической литературы: «советского человека отличают преданность идеям коммунизма, чувство патриотизма, гуманизма и коллективизма, самоотверженность, высокая социальная активность и неисчерпаемое стремление к справедливости, активное вмешательство в жизнь, умноженное чувство ответственности перед обществом, чувство сопричастности к делам своей страны» [1, с. 33]. Несмотря на научные установки и обсуждение авторами конкретных проблем в области досуга, они никогда не ставили под сомнение способность человека взвалить на себя тяжесть высокой культуры в требуемом объеме – это была часть мифа, иррациональное зерно.

Несмотря на столкновение мифа и реальности, многие государственные решения в области досуга оказывались удачными, «высокая» культура проникала в массы (подталкивая «замахнуться на Вильяма нашего Шекспира»), некоторые формы совмещения труда и досуга оказались востребованными и закрепились в отечественной культуре. Так, интенции объединения досуга и труда получили воплощение в субботниках и воскресниках. Возникновение слова «субботник» связывают со статьей В.И. Ленина «Великий почин» 1919 года. В ней субботний труд рассматривается как подвиг рабочих коллективов и часть новой трудовой дисциплины, как слабый росток нового мира. Ресемантизация культурной практики происходит как раз в 1960-е годы, субботники (и воскресники) начинают ассоциировать не с героической жертвой, а – с досугом, они становятся массовым явлением [13].

На базе образовательных и культурно-просветительских учреждений реализовывалась государственная политика, направленная на организацию развлекательных программ и досуговых практик, которые со временем становились более разнообразными (клубы и кружки по интересам, лектории, тематические вечера,

экскурсии, художественная самодеятельность и пр.). Это позволяло организовать, поставить под контроль и наполнить идейным содержанием свободное время все большего количества социальных групп. Несмотря на то, что сфера досуга начинает все более индивидуализироваться, коллективные ее формы (массовые мероприятия) продолжали сохранять свою значимость в деле социалистического строительства.

Таким образом, в период развитого социализма наблюдается формирование особой концепции – «советский образ жизни». На ее содержание оказывает мощное влияние утопическое мышление: труд перестает быть долгом и становится частью свободного выбора, а досуг оказывается в строго регламентируемой сфере должного. Эта регламентация обусловлена тем, что свободное время советского человека рассматривается и как инструмент достижения финального состояния культуры, и как непосредственная часть этого состояния. Досуговые практики делятся на массовые и индивидуальные. При этом в обоих случаях очевидна целенаправленная деятельность государства по воспитанию «советского человека», повышение его образовательного и культурного уровня. Свободное время и досуг в рамках советского образа жизни рассматриваются как сфера государственного регулирования. Однако увеличение свободного времени часто негативно сказывалось на жизни советских граждан, – открылось неумение большинства организовать свой досуг. Несмотря на расхождение между мифом и действительностью, утопические устремления советской культуры в рассматриваемой области положительно сказались на распространении «высокой» массовой культуры, утвердили новые культурные практики.

Список литературы

1. Бутов В. И., Сидоренко И. Н. Советский образ жизни. Ростов-на-Дону: [б. и.], 1970. 34 с.
2. Маркузе Г. Индивид в великом обществе // Критическая теория общества. Москва: АСТ: Астрель, 2011. С. 59–71.
3. Спенсер Г. Американцы // Политические сочинения: в 5 т. Т. 4: Политические опыты. Москва; Челябинск: Социум, 2015. С. 348–368.
4. Калинин И. А. Смех как труд и смех как товар (стахановское движение и капиталистический конвейер) // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121). С. 113–129.
5. Докучаев И. И. Проект досуга человека в идеологической модели советского общества (1920-1930-е гг.) // Личность. Культура. Общество. 2020. № 1–2 (105–106). Т. 22. С. 74–88.
6. Программа коммунистической партии Советского Союза. Москва: Госполитиздат, 1961. 144 с.
7. Советский образ жизни: содержание, структура, динамика. Минск: Наука и техника, 1980. 287 с.

8. Кравченко А. И. Труд как первая жизненная потребность: вымысел и правда // Социология. 2020. № 3. С. 98–126.
9. Синицын В. Г. Это и есть советская жизнь. Москва: Мысль, 1971. 381 с.
10. Касьяненко В. И. Советский образ жизни: история и современность. Москва: [б.и.], 1985. 167 с.
11. Ермаков В. Я. Советский образ жизни. Тула: [б.и.], 1985. 127 с.
12. Синицын В. Г. Советский образ жизни. Москва: [б.и.], 1969. 224 с.
13. Пискунов М. О., Раков Т. Н. Коммунистический труд? Субботник между позднесоветским ритуалом и экологической практикой // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 113–120.
14. Паскаль Б. Мысли. Москва: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.

Сведения об авторах

Володин Андрей Николаевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникации, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: stburah@gmail.com

Курамшина Юлия Владимировна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникации, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: jvt79@rambler.ru

Volodin A. N., Kuramshina J. V.

UTOPIA, LEISURE AND DUTY: SPARE TIME OF SOVIET CITIZENS IN THE STATE IDEOLOGY (1960–1985)

This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323

Abstract: *The article describes the concept of the «Soviet way of life», which gained popularity at the end of the “thaw” period and disappeared during “perestroika”. Inscribed in the Soviet soteriological myth, the aforementioned concept turned the meanings of work and leisure upside down: the former turned out to be part of free activity, the latter - the regulated duty of a citizen. In this situation, the conscious and reasonable use of free time by Soviet people acted not only as a tool for achieving the final state of culture, but also as an integral part of this state. According to the authors, the development in citizens of the attitude of striving for self-discipline and personal development, the formation of lofty spiritual needs and interests brings*

Soviet culture closer to religious practices. The set of qualities that every Soviet citizen should possess turns out to be close to the perfection of the characters in hagiographic literature. At the same time, the purposeful activity of the state in the formation of the “Soviet man”, raising its educational and cultural level is noted. Despite the discrepancy between myth and reality, the utopian aspirations of Soviet culture had a positive impact on the leisure practices of citizens through the creation of relevant border forms that combined both work and leisure, as well as through the creation of a “high” mass culture.

Keywords: *Soviet way of life, myth, stagnation, utopia, work, leisure, recreation*

References

1. Butov V. I., Sidorenko I. N. Sovetskij obraz zhizni [Soviet Way of Life]. Rostov-na-Donu: [b. i.], 1970. 34 s.
2. Markuze G. Individ v velikom obshchestve [The Individual in the “Great Society”] // Kriticheskaya teoriya obshchestva. Moskva: AST: Astrel’, 2011. S. 59–71.
3. Spenser G. Amerikancy [Americans] // Politicheskie sochineniya: v 5 t. T. 4: Politicheskie opyty. Moskva; Chelyabinsk: Socium, 2015. S. 348–368.
4. Kalinin I. A. Smekh kak trud i smekh kak tovar (stahanovskoe dvizhenie i kapitalisticheskij konvejer) [Laughter as a Labor and Laughter as a Commodity (Stakhanovite Movement and Capitalist Assembly Line)] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 3 (121). S. 113–129.
5. Dokuchaev I. I. Proekt dosuga cheloveka v ideologicheskoy modeli sovetskogo obshchestva (1920-1930-e gg.) [Leisure Project and in the Ideological Model of Soviet Society] // Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo. 2020. № 1–2 (105–106). T. 22. S. 74–88.
6. Programma kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moskva: Gospolitizdat, 1961. 144 s.
7. Sovetskij obraz zhizni: sodержanie, struktura, dinamika [Soviet Way of Life: Content, Structure, Dynamics]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1980. 287 s.
8. Kravchenko A. I. Trud kak pervaya zhiznennaya potrebnost’: vymysel i Pravda [Work as the First Vital Necessity: Fiction and Truth] // Sociologiya. 2020. № 3. S. 98–126.
9. Sinicyн V. G. Eto i est’ sovetskaya zhizn’ [This is a soviet life]. Moskva: Mysl’, 1971. 381 s.
10. Kas’yanenko V. I. Sovetskij obraz zhizni: istoriya i sovremennost’ [Soviet way of life: history and modernity]. Moskva: [b.i.], 1985. 167 s.
11. Ermakov V. YA. Sovetskij obraz zhizni [Soviet Way of Life]. Tula: [b.i.], 1985. 127 s.
12. Sinicyн V. G. Sovetskij obraz zhizni [Soviet Way of Life]. Moskva: [b.i.], 1969. 224 s.
13. Piskunov M. O., Rakov T. N. Kommunisticheskij trud? Subbotnik mezhdru pozdnesovetskim ritualom i ekologicheskoy praktikoj [Comunist Labor: Subbotnik between Late Soviet Ritual and Ecological Practice] // Vestnik Surgutskogo

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 6 (69). S. 113–120.
14. Paskal' B. Mysli [Thoughts]. Moskva: Izd-vo imeni Sabashnikovyh, 1995. 480 s.

Volodin Andrey Nickolaevich – candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of culturology and socio-cultural design department of the Institute of Media Communications, Media Technology and Design V. I. Vernadsky Crimean Federal University, (Simferopol)

E-mail: stburah@gmail.com

Kuramshina Julia Vladimirovna – candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of culturology and socio-cultural design department of the Institute of Media Communications, Media Technology and Design V. I. Vernadsky Crimean Federal University, (Simferopol)

E-mail: jvt79@rambler.ru